

Человек,
которого я убила

Преступные
— намерения —

Надежда и Николай

ЗОРИН

Николай Зорин
Человек, которого я убил

«Центрполиграф»

2013

Зорин Н.

Человек, которого я убил / Н. Зорин — «Центрполиграф», 2013

После страшной аварии Полина Лаврова чудом выжила, но полностью потеряла зрение. Нужно было заново учиться самым простым вещам: ходить, не натываясь на предметы, ориентироваться в пространстве, не бояться кромешной темноты, с которой ей было суждено отныне жить... И спустя год Полина даже решила вернуться к работе в собственном детективном агентстве. Ей сразу же попался весьма странный клиент. Максим Данилов утверждал, что убил человека, но никаких следов совершенного преступления Полине найти не удавалось, зато она потянула конец ниточки, которая обещала очень интересное расследование...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Надежда Зорина, Николай Зорин

Человек, которого я убил

Пролог

До самого последнего момента он не верил, что я смогу в него выстрелить. Я тоже не верил, хоть долго и тщательно готовился к убийству. Мне не было страшно, но выстрелить я почему-то не мог. В моем представлении все происходило четко, стремительно и даже красиво. И не убийство это было, а казнь, согласованная с высшими инстанциями моей совести. Я должен всего лишь спустить курок и привести приговор в исполнение. Все просто. Сколько раз я прокручивал в голове эту сцену, сколько воображаемых выстрелов произвел! Назначил место и время. Рассчитал до секунды каждый эпизод казни. На все про все должно было уйти не больше пяти минут. Сегодня утром я был удивительно спокоен, так что же происходит теперь?

Он стоит передо мной и не верит, что сейчас умрет. Я тоже не верю, хоть и целюсь прямо в него. Сцена затягивается, напряжение понемногу спадает. За окном стучит дождь. По лицу его растекается улыбка, мои губы вздрагивают от едва удерживаемого смеха. Вот бы перевести все в шутку! Я вдруг понял, что не хочу его убивать! Еще утром хотел, а сейчас не хочу. Я... не смогу в него выстрелить.

Но палец, онемевший от напряжения, не мой палец, чужой – я его совершенно не чувствую! – нажимает на спуск. Со страшным грохотом разбивается зеркало. Его удивленное лицо – отражение моего удивления.

Эхо выстрела звучит в моей голове, вызывая страшную боль. Ослепительно ярко сверкают осколки. Запрокинутое лицо убитого мной человека, такое знакомое до мельчайших черточек, пробуждает ужас. Рука моя разжимается, что-то с громким стуком падает на пол. Пистолет. Уже абсолютно ненужный, лишний. Думал, не смогу, думал, ничего не получится. Смог. Получилось. Вот он лежит, удивленный и мертвый. Кажется, я даже уложился в эти назначенные пять минут. Что же дальше? Голова ужасно болит и мешает сосредоточиться. Я написал записку, в которой изложил причины убийства, значит, прятаться не собирался. Остается дожидаться ареста. Скорей бы пришли!

Жду. Не приходят. Мертвая ночь. Мертворожденный дождь. Мне не вынести этого ожидания! Наедине с убитым не пережить эту ночь.

Пячусь, пячусь, не в силах оторвать от него взгляда, пячусь, пячусь и натыкаюсь спиной на дверь. Дверь распахивается, сбегая по лестнице вниз.

Мокрая, скользкая, темная улица. Ветер, деревья тревожно шумят. Выстрел, конечно, услышали соседи – когда я вернусь домой, все изменится. Да разве я туда вернусь?

Бегу, беззвучно скользя, по черному мокрому тротуару, в ужасе убегаю прочь. И вдруг со всей отчетливостью понимаю, что убийство было напрасным. Теперь ничего не изменишь. Непоправимо и жутко.

Бегу, убегаю туда, где не было выстрела, где все по-другому, где можно начать сначала. Бегу, спотыкаясь, от себя, от него.

Улица кончилась. Город неузнаваем и страшен. Я заблудился, словно в кошмарном сне. С мокрой ливневой крыши падают капли с мутным, тягучим, мертвым стуком. Падают капли, и... слышатся чьи-то шаги. Кто-то тоже бежит по этой улице кошмаров, кто-то меня догоняет.

Удивление так и не сошло с его лица, но прибавилось еще какое-то выражение: боли, отчаяния. Мне нечем перед ним оправдаться.

– Убийство было бессмысленным, – повторяет он мою мысль, – убийство было совершенно бессмысленным, и теперь ничего не исправить. Ты оплатил все счета, перед тем как

меня убить, раздал все долги, но этот счет никогда не закрыть, этот долг никогда не будет погашен. Ты оставил записку для тех, кто меня найдет, оправдал мою смерть, обвинив в том, в чем я виноват не был.

– Я не помню твоей вины, я забыл... – Слова мои выходят с трудом. Не слова, а капель с мокрых мертвых деревьев. – Твое устранение казалось единственным выходом, а теперь я больше ничего не знаю.

– Мое устранение было ошибкой, – печально говорит он и смотрит на меня мудрым взглядом постигшего главную тайну. – Возвращайся домой, этой ночью мы должны быть вместе.

Возвращаюсь, иду с обреченностью приговоренного, хоть и понимаю, что весь этот разговор мне просто почудился. Холодно и черно, не горят фонари. Как трудно найти дорогу назад, дорогу... к разбитому зеркалу.

Холодно и черно. Мокро капает сверху. Холодно и черно. Ноги больше не повинуются мне. Холодно и черно... Вот и дом, мой дом, где... Сегодняшней ночью я забыл о чем-то очень важном.

Часть первая

Глава 1

Арест запомнился смутно – пришли, позвонили в дверь, увели. Я их ждал. И хоть мысль моя все время ускользала, сразу протянул записку. Она должна была все объяснить. Но они не пожелали оставить меня в покое: все доводили вопросами, на которые я не знал ответа. Где, когда, при каких обстоятельствах впервые зародилась мысль об убийстве? Кем приходится мне убитый?

– Записка, – в отчаянии шептал я, – прочитайте записку.

Наверное, они меня не слышали или не понимали, потому что снова и снова возвращались к началу: где, когда, почему? Я не мог им ответить, перед глазами стояло лицо человека, которого я убил. Когда-то в некоем пространстве. Я бежал, убегал от кого-то, мы вместе с кем-то бежали, мокрый черный асфальт скользил под ногами. Я пытался им все это рассказать, но они не желали слушать.

– Не угрожал ли он вашей жизни, – подсказали наиболее благоприятный для меня вариант, – или жизни кого-нибудь из ваших близких?

– Не знаю... не помню, – честно ответил я.

Моей честности они почему-то совсем не поверили. И с последней надеждой, просительно заглянув мне в глаза, предложили новое:

– Не нужно его выгораживать. Не нужно ничего скрывать. Доверьтесь нам, расскажите всю правду.

Правда! Если бы я сам ее знал!

Был выстрел, и затем наступила непроглядно черная ночь. Я бежал, было мокро и холодно. Потом я вернулся... Да, кажется, так. Пришли они, позвонили в дверь, увели. Ах да, я передал им записку!

– Записка, – снова начал я, – там все написано, там полная правда. Я забыл... но, когда писал, помнил.

– Записка приобщена к делу, – сурово, уже без тени сочувствия сказали мне. – А теперь расскажите подробно, не упуская ни малейшей детали, как вы стали убийцей.

Я не хотел никаких для себя оправданий и смягчения приговора тоже не хотел, но, когда оказался в тюрьме, мне навязали адвоката.

– Полагается по закону, – объяснили они и оставили меня с ним наедине.

– Беляев Семен Александрович, – представился адвокат и, заскрипев всеми своими членами, медленно, будто несмазанный железный дровосек, опустился на стул.

Сначала он мне совсем не понравился. Его мертвенно-бледное лицо просто испугало, его заторможенно-механические движения наводили на мысль о зомби. Мне казалось, что он давно уже умер, но был каким-то колдовским способом оживлен. Но потом я к адвокату привык и даже привязался, хоть и доставлял он мне немало мучений. Вопросами он, впрочем, меня не терзал, сам рассказывал мне обо мне, выстраивая линию защиты. Получалось, что не убить я не мог – это была самая натуральная самозащита.

– Неправда, – возражал я, – никто в это не поверит, ведь причина убийства указана в записке.

– Записка утеряна, – спокойно объяснил он, – пропала из дела. – Семен Александрович подмигнул, и мне стало ясно, кто этому поспособствовал.

– Но родственники, – не унимался я, – его родственники, они не согласятся с таким поворотом, добудут какие-нибудь доказательства...

– Успокойтесь, никаких родственников у него нет. Человек, которого вы убили, – неизвестно кто. При нем не нашлось никаких документов, не поступило никаких заявлений, отпечатки пальцев не дали никакого результата. Неустановленная личность. Волноваться совершенно не о чем. – Адвокат положил мне руку на плечо, я попытался ее стряхнуть – ничего не вышло. – Самозащита...

– Но не было никакой борьбы. Он стоял и не верил, что я смогу выстрелить. Я тоже не верил...

– Борьба началась давно, – перебил адвокат, – задолго до этого. Стоит только слегка напрячь память, и все встанет на свои места. Вспомните – коридор, длинный, белый и страшный.

Коридор... Да, я помню. Запах отчаяния оглушает меня. Голос адвоката расплывается, слабеет, остается где-то позади. Я в коридоре один. Ноги подкашиваются, не желают идти туда, куда идти невозможно. Пытаюсь сбежать, ухватиться за голос адвоката, но ничего не получается. Скольжу по коридору, меня уносит вперед, к страшной цели. Вот сейчас доскольжу и узнаю правду. Я не хочу ее знать! Надрывно, захлебываясь, словно от рыданий, стучат часы. Мне их не видно, но помню: часы были, часы несли нечто важное, часы приближали к... Нет, не надо! Я не хочу вспоминать!

– Не хотите – не надо. – Голос Семена Александровича, моего милейшего адвоката, возвращает в реальность. – Но уж поверьте, он был там, он виноват в том, что тогда произошло.

Перевожу дыхание – господи, как же мне плохо!

– Ладно, на сегодня достаточно. Отдыхайте.

Беляев прощается и уходит. Меня уводят в камеру. Можно спокойно жить. До утра.

В моей камере всегда одинаково тусклый свет, тишина, изредка нарушаемая приходом охранника, застоявшийся воздух, которым с непривычки и дышать невозможно, и полное отсутствие событий. Никаких визитов родственников, никаких писем извне – с «того света», как я это называю. Со временем я и к этому привык. Настолько, что не хочу теперь никаких изменений.

А первое время, конечно, скучал, требовал свиданий. Но и охранник, и следователь, и даже мой адвокат – все смотрели на меня как на неразумного ребенка, который просит невозможного. Теперь мне больше ничего не надо, я полюбил свою клетку, сжился с существованием в тюрьме, мне совсем не плохо в надежной утробе камеры. Я забыл обо всех, кого оставил в том, внешнем, мире, разучился любить все то, что было когда-то так дорого. И даже мое преступление перестало мучить, лицо человека, которого я убил, не являлось больше в кошмарах. После допросов и бесед с адвокатом, вернувшись к себе, впадаю в какую-то сладкую дрему... Но неизменно наступает утро. И снова следователь со своими «где, когда, почему?», и снова экскурсии в мою невиновность с проводником-адвокатом.

Однажды я спросил, кто его нанял, чтобы меня защищать. Беляев рассмеялся потусторонним смехом и ответил:

– Одно из главных условий нанимателя – это тайна. В ваших интересах не знать, на кого я работаю. – И тут же перевел разговор на другое:

– Вот вы считаете, Максим, что ваша жертва – действительно жертва, невинно пострадавший, и не желаете сойти с этой точки, а между тем... – И бросил меня в новое мучительное воспоминание.

Я шел по улице летним днем, нес в руке букет колокольчиков. Свидание было назначено в парке, на третьей скамейке от центрального входа, где слышна только флейта (по мере приближения к оркестру к ней прибавляются все новые и новые инструменты). Улица была прямо-таки наводнена магазинами. Мое отражение в витринах почему-то меня пугало. Я старался не смотреть, сосредоточиться на предстоящем свидании, проникнуться ожиданием счастья, но мое размноженное зеркалами лицо все время попадало в поле зрения.

Нет, нет, это было не тогда, счастье на тот момент уже закончилось, я шел, чтобы с ней расстаться.

Она уже ждала на скамейке. Увидев меня, поднялась и пошла навстречу. Я протянул ей букет, она улыбнулась так по-детски радостно, что я чуть было не отступил от принятого решения. Но смог, смог преодолеть слабость, сказал то, что должен был сказать: «Мы видимся в последний раз».

Она не поверила, опять улыбнулась и каким-то несвойственным ей кокетливым движением прикрыла лицо букетом. И тогда мне стало совсем легко довести до конца задуманное.

«Мы не должны больше встречаться, – жестко проговорил я. – Никогда».

– А ведь она была вашей невестой, – сочувственно проговорил Беляев. Я вздрогнул, потому что совсем забыл о его присутствии. – Это из-за него вы расстались.

– Возможно, – неуверенно согласился я. – Но при чем тут самозащита?

– Вы не могли поступить по-другому, – упрямо сказал адвокат и нахмурился. – Вы были счастливым, успешным человеком, а он все разрушил.

– Ну хорошо, я согласен. Только не надо больше меня мучить этими воспоминаниями. Я вам верю – иначе я поступить не мог. Что же вам еще?

– Не верите! И продолжаете мучиться.

– Неправда! Мне давно уже все равно, и если бы не вы, я вообще ни о чем бы не думал.

– Да нет, вам только так кажется. На самом деле вы все еще пытаетесь понять, кто этот человек и почему вы его убили. И пока не успокоитесь окончательно, я не могу быть уверенным за исход суда.

Я попросился в камеру, но Беляев на этот раз проявил твердость.

– Нет, – сурово проговорил он, – мы еще не закончили. – И вдруг лицо его совершенно преобразилось, жесткость сошла с него. Он улыбнулся какой-то лирической улыбкой, словно погружаясь в приятные, трогательные воспоминания.

– Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочел до середины, —

нежным голосом, на несколько тонов выше, чем его обычный, не зачитал, а скорее пропел он начало моего любимого стихотворения детства. Мама всегда читала его напоследок – и сон, бережно подхватив, уносил меня на одном из этих волшебных парусников. Весь смысл стихотворения для меня тогда сводился к этому безмятежному уплыванию в сон. Но сейчас вдруг стало отчего-то тревожно. Я вдруг отчетливо понял: что-то тогда упустил. Был там иной, зловещий смысл, не понятый мною в детстве. Нерасшифрованное предсказание.

Небо темнеет, солнце погасло, на море шторм. Ветер ужасно шумит. Дождь бьет в окно. Тусклое бра еле-еле освещает комнату. Чужую пугающую комнату. Я не знаю, как здесь оказался. Ах да, наша поездка в Грецию. Эта комната – гостиничный номер. Мы взяли напрокат яхту – но разразился шторм.

– Тогда все обошлось, – все тем же лирическим тоном, подражая голосу моей матери, сказал Семен Александрович, – но могло и не обойтись. Помните, кто настоял на том, чтобы взять яхту именно в этот день.

– Он был там с нами?

– Он уже тогда делал все, чтобы разрушить вашу жизнь.

– Хватит, хватит! – взмолился я. – Отпустите меня, я хочу в свою камеру.

– Ну... ладно, – нехотя проговорил он и позволил охраннику увести меня.

В камере ничего не изменилось за время моего отсутствия, хотя я успел пережить так много за это утро. Бросился на нары, мечтая поскорее впасть в свою сладкую дрему без снов, без мыслей и воспоминаний, но ничего не вышло. Слишком уж адвокат растревожил мне душу,

слишком много ран разбередил. Зачем он меня мучает, ведь должен, наоборот, защищать? Не сменить ли мне адвоката?

Я растянулся на нарах, закрыл глаза, все же надеясь, что придет безопасная, безболезненная пустота, но увидел его, свою жертву. Он притаился в какой-то темной подворотне, хорошо мне знакомой. Он прятался, он выжидал момента, чтобы напасть. Но не на меня. На очень близкого мне человека. На мою мать. Это было связано с Грецией. Там он не смог меня достать и вот сейчас готовился нанести новый удар.

Нет, мне рано менять адвоката. Он прав, совершенно прав. Человек, которого я убил, – совсем не жертва. Скорее уж жертва я. Он разрушил мою жизнь, довел до преступления. А может, в этом-то и состояла его главная цель – сделать меня убийцей?

Я вскочил, прошелся по тесной камере, снова улегся. Перед глазами опять возникло его лицо. За секунду до выстрела. О чем он подумал? О том, что я не смогу нажать на спуск? Сейчас я в этом совсем не уверен. Возможно, он знал, что нажму, рассчитывал на это.

Закрываю глаза и оказываюсь в белом страшном коридоре – он следует за мной. Открываю – он с ехидным смехом ретируется. Закрываю снова и иду по улице, наполненной витринами, – он отражается в них. Прогоняю видение, но он посылает легким взмахом руки меня в новое: Греция, ночь, разбитая о скалы яхта. Лицо человека, которого я убил, накладывается на лицо адвоката. Да ведь они похожи. Как похожи противоположности: черное – белое. И оба не оставляют в покое, и оба заставляют вспоминать то, что вспоминать невыносимо. Только цели у них разные: у одного – оправдать убийство, у другого – обвинить в нем, измучить меня еще больше, сделать мою жизнь невозможной.

С громким скрежетом лязгает замок массивной двери. Оказывается, уже наступил вечер – мне приносят ужин. Не чувствуя вкуса, быстро съедаю его и снова валюсь на нары – спорить с моими учителями.

Ночь проскакивает незаметно – ни отдыха, ни облегчения не принося, – и я опять попадаю в тяжелое, как трудные роды, утро.

Проходит много времени, прежде чем я окончательно успокаиваюсь. Сколько? Недели, месяцы, годы? Пытаюсь подсчитать – не получается, спрашиваю у адвоката, но он дает такой многословный ответ, что я совершенно запутываюсь. А впрочем, все равно. Меня больше ничто не тревожит, ничто не интересует, ничто не в состоянии причинить мне боль. Воспоминания затерлись и перестали быть мучительными. Лицо человека, которого я убил, сливается с прочими лицами – я уже не могу отделить их одно от другого. Теперь я наконец впал в настоящую спячку. Допросы следователя, разговоры с адвокатом казались какими-то не особенно обременительными сновидениями, которые проплывали мимо, не задевая меня. Я в них попросту не участвовал. Я и в жизни, в своей собственной жизни отказался участвовать. Но тут...

Сначала был суд. Я отнесся к нему вполне равнодушно, решение меня не интересовало. Приговорят к десяти годам, к пожизненному – какая разница? Время для меня остановилось и больше ничего не значило. Обвинитель и защитник отчаянно сражались за мою душу, а мне не было никакого дела до того, кто из них выйдет победителем. Мой сон не прервется – так думал я. И страшно ошибся.

Меня оправдали и выдворили на свободу.

Яркие краски, громкие звуки, буйные запахи жизни оглушили меня, как только я оказался за воротами тюрьмы. Первым желанием было повернуть назад, но двери такого безопасного пристанища были закрыты наглухо. Беляев с торжественной улыбкой – мне показалось, слегка злорадной – распахнул дверцу машины и пригласил садиться. С тоской посмотрев на утраченную обитель, я полез в салон.

– Ну вот, все закончилось, – сказал адвокат, – все самое плохое для вас позади.

Я кивнул – разговаривать было слишком утомительно. От свежего воздуха разболелась голова. Листва на деревьях, которые проносились мимо окон, казалась непереносимо яркой. Некоторое время мы ехали молча, но потом Семен Александрович не выдержал, стал расписывать прелести вольной жизни – с каким-то фальшивым восторгом, словно и сам не верил тому, о чем говорил.

Он все болтал и болтал. Я его почти не слушал. Мне так хотелось вновь погрузиться в сон. Но вдруг прервав себя на половине фразы, Беляев остановил машину.

– Все! – сказал он, распахивая дверцу с моей стороны. – Моя миссия закончилась. Всего наилучшего.

Я по инерции вышел, ничего не понимая. Мелькнула мысль, что это какая-то шутка, сейчас он мне все объяснит. Но Беляев резко взял с места и укатил. Это было так странно, так неожиданно, что я все не хотел верить, все ждал, что вот сейчас он вернется и заберет меня отсюда. Я не знал, как мне жить дальше, я не знал даже, куда мне идти, чувствуя себя заблудившимся ребенком.

Ждать дольше было бессмысленно. Он не вернется. Теперь нужно справляться как-то самому. Я огляделся – оказывается, адвокат привез меня к воротам парка, хорошо мне знакомого, можно сказать, почти родного. Здесь когда-то я часто бывал, с этим парком у меня было связано очень многое. Специально Беляев привез меня сюда или это чистая случайность?

Неуверенной походкой я вошел в парк. Предчувствие какой-то неотвратимой беды охватило меня. Пошатываясь, дошел до третьей скамейки, где когда-то было назначено прощальное свидание. Скамейка была нагрета солнцем, но от ее тепла меня почему-то бросило в дрожь. Ветер переменил направление – и послышались звуки флейты. Значит, мой оркестр на месте, значит, ничего не изменилось за время моего бесконечно долгого отсутствия, значит, все хорошо, пора успокоиться и просто снова начать жить. Но предчувствие беды стало сильнее и отчетливее.

Я встал и пошел по дорожке, приближаясь к оркестру от этапа к этапу – игра с самим собой, придуманная мною в той прежней, счастливой жизни. У третьей скамейки от входа слышна была только флейта, но если двигаться навстречу оркестру, то через пару метров к ней прибавляется скрипка, потом, еще через пролет от скамейки к скамейке, вступает гобой и так далее. Инструменты все прибывают, оркестр разрастается. Сколько себя помню, они всегда играли в этом парке и репертуар почти не менялся. Некая постоянная величина, на которую сейчас так важно было опереться. Но чем ближе я подходил к оркестру, тем тревожнее мне становилось. Мне вдруг представилось, что, когда я услышу все инструменты в единой гармонии, произойдет нечто страшное. Не повернуть ли назад, не сбежать ли, пока не поздно?

Но звуки музыки настойчиво звали меня к себе, и я послушно двигался навстречу им – и так дошел до площадки, на которой играл оркестр. Остановился, пытаюсь сосредоточиться на мелодии, отвлечься от всех своих дурных предчувствий, – ничего не вышло: голова так сильно закружилась, что пришлось ухватиться за дерево, звуки расплылись, в поле зрения попался черный блестящий ботинок, отбивающий такт. Музыка внезапно смолкла. Ботинок остановил свое движение. Человек, которому он принадлежал, вышел из тени дерева и повернулся ко мне.

Я знал, что мне нельзя просыпаться, что, как только я покину спасительные стены тюрьмы, возмездие настигнет, но не думал, что оно будет таким жестоким. Печальным, пронизанным болью взглядом на меня смотрел человек, которого я убил.

Глава 2

Сочувствие иногда может ударить сильнее, чем самое жестокое оскорбление, слова утешения бывают страшнее самых безнадежных прогнозов. Уж Полина-то это знала. И потому не бросилась тут же на помощь, хоть и потрясена была его болью и ужасом, а просто стояла неподалеку и выжидала, когда настанет подходящий момент. Стояла и перебирала в голове различные, наиболее щадящие варианты начала разговора: «Что с вами случилось? Вас кто-то испугал? Вам не помочь?»

Подходящий момент так и не настал. Ни один из вариантов не годился. Но ждать дольше Полина просто не могла. Похоже, никто, кроме нее, не слышал этого ужасного крика, значит, и на помощь прийти никто, кроме нее, не может. Она села на скамейку, на которую он до этого прямо-таки рухнул, повернулась к нему и сказала по возможности нейтральным, без слащавого сочувствия голосом:

– Не стоит отчаиваться, на каждую ситуацию можно посмотреть с другой стороны.

И поняла, что сморозила страшную глупость, что любой из вариантов, которые она отвергла, был бы предпочтительнее. Он посмотрел на нее совершенно диким взглядом и бросился прочь из парка.

Ужасно расстроившись, Полина побрела домой, постукивая впереди себя тростью. И тут до нее дошел невероятный смысл ситуации: она видела этого человека, действительно видела, не так, как видят во сне, а как видит зрячий.

Авария настолько прочно связывалась у нее с рисунками Кати Семеновы, восемнадцатилетней девушки, трагически погибшей четыре с половиной года назад, что, когда Полина ее снова и сно ва переживала в своих наполненных болью кошмарах, представлялась статически, в виде рисунка. Полина была словно персонажем картины, нарисованной девушкой с огромными, наполненными ужасом глазами. Нарисованная машина надвигается на нее, и невозможно пошевелиться, невозможно убежать, невозможно предотвратить неизбежное. Эта статичность и была основой кошмара, собирала вокруг себя боль и делала ее непереносимой. Время от времени на картине появлялись новые персонажи. Они приходили извне, из того мира, в который Полине вход был закрыт. Их появление предварялось псевдободрыми, псевдожизнеутверждающими голосами и разнообразными запахами. Вот Виктор, ее детективный помощник, рассказывает, какое сегодня замечательное утро, даром что уже середина сентября, воздух наполняется запахом лилий – и вот он уже стоит на нарисованном тротуаре, в нескольких метрах от нее, но помочь все равно ничем не может. Вот мама, подавив рыдания, – плакала что ли бы уж открыто, ведь так еще хуже, – бодро рассказывает, что у них на работе ввели новые правила, запах совершенно бесполезных апельсинов наполняет палату – и вот уже апельсины раскатились по дороге, мама кидается, чтобы их собрать, из-за этого и происходит авария. Вот Анастасия, мать Кати, вполголоса разговаривает с медсестрой о том, как трудно терять ребенка, запахи духов обеих перемешиваются – и обе, все так же беседуя, перелетают на рисунок.

Приходит следователь и почему-то прямо в палате допрашивает Виктора, тот подробно рассказывает о том, как Анастасия Семенова наняла их для расследования обстоятельств гибели своей дочери, что дело теперь застопорилось, но авария, конечно, никак не связана... Нарисованная Полина пытается предупредить Виктора, чтобы он ни в коем случае не рассказывал о рисунках, но не может даже пошевелить губами. К счастью, Виктор и сам все понимает – о рисунках ни слова. Следователь уходит по нарисованной зебре, как и полагается дисциплинированному пешеходу, и избегает столкновения.

Персонажи все прибывают, им уже не хватает места на картинке, и вот бумага не выдерживает, рвется – врач (от него так невыносимо пахнет йодом!) каким-то крикливым шепотом приглашает в бытие и сообщает, что ей страшно повезло. Но за обрывками бумаги сплошь чернота. Полина пытается сквозь нее пробиться – ничего не выходит. Отчаяние накачивает с такой силой, что, кажется, разорвется сердце. Но на помощь приходит боль – боль уносит, уносит от окончательного понимания катастрофы.

Информация о том, что она ослепла, поступает теперь небольшими порциями. Ее руки прикованы к кровати какими-то хитроумными ремнями, на глазах плотная повязка. И не один уже врач, а все, кто приходит ее навестить, говорят, как ей повезло: ведь могла бы погибнуть, а так...

А так... Что ей делать теперь, было совершенно непонятно, смерть, безусловно, была предпочтительнее. Ей двадцать пять, впереди целая жизнь, наполненная темнотой, огромная жизнь в беспомощности и полной ненужности. Для родителей она станет обузой, Виктор будет вынужден подыскивать себе новую работу, потому что детективное агентство придется закрыть, гибель Кати Семенович так и останется непроясненной. А главное... Да, главное – совершенно непонятно, что теперь делать, как жить дальше.

Но знакомые, родственники, друзья, персонал больницы – все наперебой, жизнерадостно-фальшивыми голосами утешали ее, утверждая, что жизнь – это главное. А однажды она услышала, как ее родная тетя – ну кто мог от нее такого ожидать? – сказала маме, что зато теперь они с отцом могут быть за Полину спокойны: всегда на глазах, всегда под присмотром, ни в какую историю больше не попадет и распрощается наконец с такой опасной, такой неподходящей для женщины профессией частного детектива. Слова сочувствия бывают оскорбительнее пощечины, и не только не утешают, а, наоборот, причиняют страшную боль.

А вообще-то тетя права. Родители могут быть за нее спокойны. Ничего с ней больше случиться не может, и не только детективом, никем ей больше не быть. Она станет безвольной куклой, которую будут по своему желанию перемещать в невидимом ей пространстве. Одеди, умыли, посадили за стол – ешь! Вывели на балкон – дыши воздухом! Раздели, уложили в постель – спи! Удобно и просто. Иногда, не часто, только по долгу совести, ее будут навещать друзья и знакомые, притворяться, что ничего особенного не происходит, все в порядке вещей. А если она позволит себе загрустить, примутся снова и снова убеждать, что самое ценное для человека – это жизнь.

Первое время от всех этих мыслей спасала физическая боль. Она подступала – и мысли съезжались, трусливо втянув голову в плечи, бежали прочь. Боль разрасталась, боль заполняла все пространство. Но приходила медсестра, делала укол – и мысли, виновато потупившись, возвращались назад. Правда, ненадолго. Обезболивающие, которые ей вводили, обладали снотворным эффектом. Очень скоро одурманенные лекарством мысли начинали зевать и, улыбнувшись, как усталые дети, погружались в сон.

Сны теперь изменились, перестали быть статичными рисунками, раскрасились яркими красками и заменили реальную жизнь. Во сне Полина видела, забывала о своей слепоте, свободно передвигалась в пространстве, продолжала расследовать незавершенное дело, была самой собой, той живой, жизнерадостной, как до аварии. А потом, уже проснувшись, обманывала себя, что непроницаемая темнота вокруг, сквозь которую невозможно пробиться, – из-за повязки на глазах. И вспоминала свои сны, и продолжала скользить по инерции в расцвеченном красками мире, и строила планы на будущее, и... Но опять являлась медсестра, снимала повязку. Обнаженным глазам становилось холодно и страшно. Обманывать себя больше не получалось. Темнота не уходила. И можно было сколько угодно воображать лицо женщины, которая производила над ней все эти ужасные манипуляции, настоящего лица она все равно никогда не увидит. И рук ее не увидит, и палаты, где лежит, и коридора за ней, когда позволят

встать, и улицы... Ничего никогда не увидит. В ее жизни всегда будет царствовать вечная ночь, неправдоподобно черная и глубокая, каких не бывает в реальной жизни.

Однажды Полина проснулась от того, что два человека, мужчина и женщина, о чем-то громко и ожесточенно спорили. Голоса были незнакомыми, и сначала она подумала, что это новый врач выговаривает за что-то новой медсестре, та, оправдываясь, объясняет, почему допустила ошибку. Но тут Полина сообразила, что давно уже наступила ночь. Настоящая, не только для нее, для всех. Почему же они так шумят? Неужели не могут говорить потише, ведь разбудят все отделение!

Она стала вслушиваться в их бурный диалог и вдруг поняла, что никакой это не диалог вовсе. Каждый вел свою партию, не слыша другого. Каждый спешил рассказать свою историю. Ей, Полине, рассказать. Для того они сюда и пришли. Но почему же они говорят одновременно? Так ничего понять невозможно.

– Пожалуйста, говорите потише, – попросила Полина.

Оба голоса послушно замолчали.

– Вы хотели о чем-то мне рассказать? Я с удовольствием вас послушаю и помогу, но говорите по очереди.

Некоторое время стояла тишина, обычная, ночная, какая наступает, когда все отделение засыпает. Полине даже показалось, что разговор ей просто послышался. Но тут заговорила женщина:

– Уже совершенно стемнело, но никто из нас не решился включить свет. Мы сидели на кухне. Он знал, что я от него собираюсь уйти, что никак не могу сказать об этом. Резко звякнула ложечка, ударившись о блюдо. В тишине, в темноте этот звук вызвал боль. Мы оба синхронно вздрогнули, совсем как раньше, и оба одновременно рассмеялись и рассердились на этот неуместный смех. И тогда в раздражении я крикнула: «Ну да, ну да, ты все правильно понял!» А он... Если бы я могла все повернуть назад, если бы могла!

– Он подумал, – перебил женщину мужчина, – что я его попросту обкрадываю. Но ведь эту фирму мы организовали вместе. Ему надоело делиться, вот в чем все дело. Он даже денег на киллера пожалел, сам решил меня устранить. Киллер бы не промахнулся.

– Он был всегда таким интеллигентным человеком, – снова вступила женщина, – а тут стал кричать, совсем как какой-нибудь пьяный слесарь. Так некрасиво себя повел. Все добивался, чтобы я ему ответила, чем тот, к которому ухожу, лучше его. Это уж просто какая-то пошлость!

– Ряды чисел в своем банковском счете мой компаньон неизменно умножал на два и все представлял, какая была бы огромная сумма, если бы не приходилось со мной делиться. Ну и доумножался. Его теперь посадят, а я... Его ведь посадят? Я видел его лицо, я его узнал, хоть он и попытался загримироваться. Всегда был дурак. А стал еще жадный дурак.

– На холодильнике в вазе стояли цветы. Они его жутко раздражали, с самого начала, я это видела. А тут схватил букет и выбросил в окно. Цветы мне подарили на работе, а он-то подумал... Идиот! Неужели он полагал, что, если бы это были *те* цветы, я вот так поставила бы их на нашей кухне? У меня был день рождения, а он даже не вспомнил об этом. Я...

– Его обязательно посадят! – прикрикнул на женщину мужчина. – Это я вам говорю! Должна же в этом мире быть какая-то справедливость!

Мужчина и женщина опять заговорили одновременно и очень громко. Полина попыталась их успокоить, но они ее не послушались. Женщина заплакала, мужчина застонал, протяжно и жутко, словно боль его сделалась невыносимой. Полине их было ужасно жалко, но и слушать дальше эту отчаянную какофонию, в которой нельзя больше было разобрать ни одной связной фразы, она не могла. Презирая себя за малодушие и слабость, она нажала на кнопку вызова медсестры. Голоса тут же смолкли, будто звонок прозвучал в палате. Ушли или просто

притаились? Интересно, как обустроена палата, – есть здесь какие-нибудь места, где можно было бы спрятаться?

Медсестра была недовольна, что ее разбудили, но, судя по всему, никаких посторонних в палате не увидела. Полина не стала ей ничего рассказывать, попросила сделать укол, чтобы как-то объяснить вызов.

Укол помог, она тут же уснула. Вот только сны были какие-то странные. Чужие сны. Продолжения историй мужчины и женщины, которые приходили к ней этой ночью рассказать о себе. Женщина пострадала в результате крушения поезда, когда ехала к своему новому мужу. Мужчина выстраивал план мести своему компаньону. Она не понимала, что происходит.

Весь следующий день они ее донимали: вклинивались в разговор с мамой, перебивали такой всегда обстоятельный отчет врача о ее состоянии, вторгались в сны. Полина попросила Виктора описать ее палату. Оказалось, что все помещение, довольно большое, поделено на отдельные боксы. В боксах справа и слева от нее находились две девушки, обе в сознании – пострадали при взрыве на заводе бытовой химии. Версия о том, что эти голоса – бормотание соседей в бреду, провалилась. И потом, кроме нее, их никто не слышал. Что же тогда это такое?

Ночью они совсем распоясались. Женщина умоляла своего покинутого мужа о прощении, но так зло, так яростно, будто продолжала его ненавидеть. Мужчина, представляя, что находится в зале суда, давал свидетельские показания против своего обидчика. И не было никакой возможности их усмирить – они ее совершенно не слушали. Лишь под утро мужчина наконец замолчал. Ярость женщины сменилась тихими всхлипами. Но вступил третий, неслышимый до этого голос, слабенький, тонкий, почти детский. И тогда Полина пришла к неприятному открытию, что обрела способность слышать мысли и видеть сны посторонних людей. Не всех, только некоторых, ведь ни родителей, ни Виктора, ни медперсонал, ни ближайших своих соседей она совершенно не слышала.

Утром Полина рассказала об этом врачу, подробно, не упуская ни малейшей детали. Тот сначала пришел в необыкновенное и непонятное волнение, потом, видимо, чтобы скрыть свою растерянность, загрузил ее медицинскими терминами. Из его объяснений она поняла лишь то, что никаких особых способностей у нее не появилось – это побочные действия лекарств и последствие травмы.

– Все пройдет, как только вы поправитесь, – сказал врач под конец, – а поправитесь вы обязательно.

И он оказался прав. Голоса преследовали Полину еще несколько дней, а когда состояние окончательно стабилизировалось и ее перевели из реанимации в обычную палату, отстали.

Первое, чему она научилась в своей новой жизни, – это пользоваться телефоном. Как только смогла самостоятельно садиться в постели, сразу и приступила к освоению такого привычного раньше, но теперь чужого, холодного, совершенно непослушного аппарата. Это было совсем не просто, сначала через раз попадала не туда, куда звонила, а о том, чтобы, например, послать SMS, вообще не шло речи. Но в конце концов она справилась.

Как справилась и со всем остальным: пить, не захлебываясь, аккуратно есть, одеваться, передвигаться в пространстве. Она твердо решила, что, когда ее выпишут из больницы, будет жить одна, в своей квартире, ни за что не станет той безвольной куклой, которой представила себя вначале. Родители изо всех сил сопротивлялись ее самостоятельности, Полина изо всех сил сопротивлялась их опеке. Из-за этого постоянно возникали конфликты. Мама пыталась кормить ее с ложечки, папа, стоило ей сделать попытку подняться с постели, подхватывал на руки. Для них она снова стала беспомощным младенцем. Временами Полине казалось: родители, как и тетя, рады, что жизнь ее снова в их руках, что теперь-то, по крайней мере, все зависит от них. Это ее просто выводило из себя, и сопротивление переходило в самую настоящую войну.

Но главное испытание ждало их всех впереди. Когда родители приехали забрать ее из больницы, Полина объявила, что возвращается к себе. Вот так сразу, без всякой подготовки и рубанула. Мама даже не сразу нашлась что сказать. Папа от неожиданности заговорил слишком резко.

– Ты не можешь так поступить с нами! – закричал он на Полину, будто это они стали беспомощными калеками, а она их бросала. – Это ни на что не похоже!

– Предательство – вот как это называется! – смогла наконец обрести дар речи и мама. – Мы уж точно не заслужили от тебя такого!

Родители категорически отказались везти ее домой, и тогда пришлось пойти на обман. Полина от них попросту сбежала. Из туалета вызвала такси, пробралась через черный ход на улицу и тут... тут-то и поняла, что преувеличила свои возможности. Разнообразие звуков, которое она раньше и не замечала, совершенно сбило ее с толку, Полина никак не могла выбрать верное направление, заблудилась в больничном дворе, налетела на дерево, сильно стукнулась головой и потеряла сознание. Санитарка из чужого отделения нашла ее лежащей на мокрой земле, подняла страшный шум и, не проявив никакого сочувствия и понимания, сдала с рук на руки родителям.

– Вот видишь, – подытожила ситуацию мама, как показалось Полине, торжествуя, – ты не можешь жить одна.

Родители увезли ее к себе, и только через месяц она предприняла новую попытку побега. Помог ей в этом Виктор. Он единственный из всех не считал Полину беспомощной и верил, что она вполне справится.

Полина справлялась. Научилась готовить еду, в основном из полуфабрикатов, которые покупал для нее тот же Виктор. Сама убирала в квартире, довольно легко заново овладела всей бытовой техникой: микроволновка, пылесос и стиральная машина оказались более покладистыми, чем телефон. Родители сдались, не донимали больше назойливой и в общем бесполезной опекой, да и визиты их стали реже. Все потихоньку налаживалось. Вот только непонятно было, что делать с огромным пространством свободного времени, свалившимся на нее. Чем его заполнять? И убивало вынужденное заточение, но улицы Полина боялась.

И опять на помощь пришел Виктор. Он первым заговорил с ней об этом. Был конец декабря, народ активно готовился к Новому году, толчея на улицах стояла невообразимая, но по ночам все стихало. Шел снег, приглушая тревожащие звуки. Даже машины звучали по-другому, словно шины были обернуты ватой. Однажды Виктор, засидевшись допоздна (специально, как потом поняла Полина), предложил:

– Пойдем погуляем?

И так естественно, так буднично у него это вышло, будто все последнее время они только и делали, что гуляли по ночам.

– Как ты это себе представляешь? – возмутилась и даже слегка обиделась Полина.

– А что такого? Просто выйдем на улицу. Погода прекрасная, снег, и совсем не холодно.

Они оделись и вышли. Виктор взял ее под руку – ничего особенного, все так гуляют. Первые несколько метров Полина прошла очень осторожно, но чем дальше они уходили от дома, тем легче ей становилось, словно дом сдерживал ее движения, нашептывал: ничего не получится. А Виктор делал вид, что не замечает ее скованности. Бережно, но совсем ненавязчиво поддерживал и как бы между прочим пояснял маршрут.

– Ого! – восклицал он вдруг. – «Букинист», видать, совсем разорился, половину помещения сдал под всякую дребедень. – И Полина понимала, что они проходят мимо букинистического магазина – два квартала направо от дома.

– Пора бы постричься, – озабоченно говорил он, – зарос. Не знаешь, в «Светлане» нормальные мастера?

– Да, неплохие, – будто бы проникаясь его заботой о стрижке, отвечала Полина, сообщая, что вот, значит, они повернули к парикмахерской.

Она запоминала маршрут по каким-то другим, непонятным зрячему ощущениям. Телом, слухом, запахом и чем-то еще, каким-то пробужденным в последние месяцы чувством.

Ночные прогулки стали теперь ритуалом. Каждую ночь они выходили из дому и бродили по притихшему городу. Постепенно маршруты разнообразились и удлиннились. Походка Полины сделалась уверенной – она больше не боялась упасть или налететь на невидимое препятствие, лишь изредка опиралась на руку Виктора, предпочитая идти рядом, самостоятельно. Не каждый бы и понял, что она слепая.

Однажды вечером Виктор позвонил и сказал, что заболел и прийти не сможет. Полина обрадовалась: она давно хотела прогуляться одна, но не знала, как сказать об этом Виктору, чтобы не обидеть. Положив трубку, поспешно начала одеваться, будто боялась, что кто-то ее остановит, не пустит или она сама, испугавшись в последний момент, передумает. Ведь было действительно страшновато: а вдруг собьется с пути, не найдет дорогу домой, попадет под машину, да мало ли что! От волнения и какой-то судорожной торопливости не сразу смогла справиться с молнией на куртке, шнурки на ботинках запутались, ключ никак не вставлялся в замочную скважину... Но она справилась, почти бегом, лишь слегка касаясь перил, спустилась по лестнице – и вот в полном одиночестве оказалась наконец на улице. Снег захрустел под ногами, слежавшийся, февральский снег, совсем не так, как хрустел вчера и позавчера, когда они гуляли с Виктором. И запахи изменились. И все ощущения приобрели новую окраску.

Постояла немного во дворе, привыкая к свободе и независимости, и двинулась вперед. Она рассчитывала, что первая прогулка будет короткой, пробной. Пройдется для начала по самому легкому маршруту – «Букинист», парикмахерская, ночной магазин – и вернется домой. Но свобода шампанским ударила в голову, Полина все шла и шла по накопленным ориентирам и никак не могла остановиться. Мебельная фабрика – две троллейбусные остановки от дома, скверик наискосок от фабрики – отважно перешла дорогу, довольно оживленную днем, музыкальная школа, филармония... Ей казалось, что она видит все эти здания. Ну или сможет увидеть, как только откроет глаза. И совсем, совсем не было страшно. Пробежала мимо собака. Громко откашлялся запоздалый прохожий. Проехала машина. Но пора было все же поворачивать назад. Сориентировавшись, Полина уверенно пошла обратным маршрутом. Ей вдруг представилось, что она похожа на старую слепую лошадь, которая непонятно как всегда безошибочно находит дорогу домой, и Полина почувствовала невероятную нежность ко всем слепым лошадям. Вспомнила, как, увидев однажды слепую женщину на улице, прониклась какой-то безысходной жалостью, и поняла, что была не права: слепота не безысходна, можно жить и быть счастливой и в слепоте. Себя-то Полина уж точно сейчас не жалела. А чего жалеть? Ведь она доказала, что преспокойно сможет существовать самостоятельно, без опеки.

Снова где-то неподалеку откашлялся прохожий. По голосу кашель был точно такой же, как в первый раз. Полина подумала, что это тот же самый человек, но мысль эта не вызвала ни подозрений, ни тревоги – просто маршруты их прогулок совпали. Ей, конечно, и в голову не могло прийти, что все это время она была под присмотром.

Виктор, поговорив с Полиной по телефону, забеспокоился. Она явно что-то задумала, это было понятно по ее тону. Совсем не расстроилась, когда узнала, что он не сможет прийти, небрежно выразила сочувствие и постаралась поскорее закончить разговор. Словно куда-то спешила. Куда? Неужели решила выйти на улицу одна?

Выскочив из постели, Виктор стал быстро одеваться, радуясь, что не завел машину в гараж, а оставил у дома.

Он успел как раз вовремя. Полина не успела никуда уйти, стояла посреди своего двора, наслаждалась свободой и была так абсолютно, так безгранично счастлива, что он просто не

решился ее окликнуть. Потом она медленно двинулась по улице. Виктор последовал за ней, осторожно, чтобы себя не обнаружить, чтобы не спугнуть ее счастье, но готовый в любой момент прийти на помощь.

Никакая помощь не понадобилась. С каждым пройденным кварталом походка Полины становилась все увереннее, она прекрасно ориентировалась на невидимой улице. Так дошли они до филармонии – удивительная, фантастическая прогулка, удивительная, просто фантастическая победа! Теперь Виктор шел еще осторожнее, боясь все испортить, но тут вдруг на него напал приступ кашля. Пробежавшая мимо уличная собака слегка притормозила и с удивлением посмотрела на него, а Полина, кажется, не обратила на кашель никакого внимания. Слава богу, все обошлось.

С этой ночи Виктор постоянно незримо сопровождал ее на прогулках. Маршруты с каждым разом все расширялись и усложнялись. Он нарочно «затянул» свою болезнь, не зная, какую придумать еще отговорку, и боясь, что в конце концов его хитрость выльется наружу. Но Полина слишком поглощена была своей свободой и слишком хотела длить ее и длить, чтобы особо задумываться.

К середине марта она уже настолько освоилась на улице, что потихоньку стала выходить и днем. Этот момент Виктор пропустил и узнал о ее новом этапе, когда однажды Полина пришла к нему в гости.

– Взяла такси. Ничего особенного, – объяснила она свой потрясающе неожиданный визит – новое чудо – и весело засмеялась, словно могла видеть его поглупевшее от удивления лицо.

– Но как ты... – начал Виктор, но Полина его перебила:

– Очень просто – набрала номер и вызвала. – И с едва сдерживаемой гордостью нарочито небрежным тоном рассказала о своих самостоятельных прогулках.

Виктор бурно выражал восхищение, разыгрывал ужас, и ему казалось, что голос звучит фальшиво, и было неловко оттого, что он вроде как ее обманывает.

– Здорово! – подытожил он Полинин рассказ и окончательно смутился.

А вообще, все действительно было здорово. Полина легко адаптировалась в новом своем состоянии, стала почти прежней, тем легким в общении, жизнерадостным человеком, каким была до аварии. Его любимой Полиной, – впрочем, это была такая глубокая тайна, которую он и себе бы никогда не открыл.

– А не выпить ли нам арбузного чаю? – предложил Виктор. Арбузным чаем они называли между собой пиво. Это была старая шутка, никто уже не помнил, с чего она пошла. – Нужно ведь как-то отпраздновать событие.

– Выпить, конечно, выпить, – в тон ему проговорила Полина и, хитро посмотрев на него – он мог бы поклясться, что она именно посмотрела! – достала из сумки, с которой приехала, две бутылки «Баварии».

– Ну ты даешь! – только и сказал Виктор, не желая унижать ее расспросами о том, как ей удалось самостоятельно купить пиво.

Посиделки за чашечкой арбузного чая затянулись до позднего вечера. Уже сто лет они не общались так легко и непринужденно. Виктор признался, что устроился в одну юридическую фирму, и Полина совсем не обиделась – простила отступничество или не подала виду.

– Но это временно, – заверил ее Виктор, – как только ты окончательно поправишься, я вернусь в наше агентство.

– Ты думаешь, это возможно? – Слегка захмелевшая Полина мечтательно улыбнулась.

– А почему не возможно? Напишу заявление и уйду из фирмы, – будто не понимая, что она имела в виду, сказал Виктор. Он только хотел поддержать в ней мечту, но вдруг подумал, что с Полиной действительно все возможно. – Почему не возможно? – разошелся ее бывший помощник. – Аренда оплачена на год вперед, я иногда захожу туда проверить что да как. Все в

полном порядке. Знаешь, Полинка, – в хмельном восторге он обнял ее за плечи, – мы с тобой еще таких дел наворочаем!

– Наворочаем! – согласилась Полина и, не пролив ни капли, разлила остаток пива по двум стаканам.

– Может, я сбегаю? – Виктор пощелкал по опустевшей бутылке.

– Не стоит, и так уже два раза за добавкой ходили.

Этот вечер оставил в обоих невероятно приятное послевкусие, хоть больше никогда о возобновлении работы в детективном агентстве они не говорили.

Начало мая выдалось невероятно жарким. Возможно, потому состояние здоровья Полины несколько ухудшилось. Собственно, ухудшение это сводилось лишь к одному: она снова стала слышать посторонние голоса. Вернее, один и тот же голос. Он принадлежал тяжело больной пожилой женщине и проявлялся каждый раз во время прогулок по «театральному» маршруту – от филармонии два квартала вниз к театру музыкальной комедии, потом – через небольшой сквер мимо оперного. Вероятно, старушка жила в этом районе – где именно, Полина так и не смогла понять. Голос был совершенно реальным. Если она и сходит с ума, то как-то уж слишком реалистически. Чаще всего женщина жаловалась на то, что не может больше приходить в парк кормить голубей, а сын отказывается заменить ее. Иногда из-за сильной боли старушка впадала в какие-то странные длительные обмороки – и голос пропадал, но Полина отчетливо, будто сама находилась в этом обмороке, видела сны наяву. Эти сны были повторяющимися и очень навязчивыми. Многоэтажный недостроенный, но заброшенный дом. Она все поднимается и поднимается по внешней, ничем не огороженной лестнице, боится упасть вниз и никак не может вспомнить, зачем поднимается. Дорога, с двух сторон окруженная густым, непроходимым лесом. Начинает темнеть, она понимает, что нужно успеть до того, как наступит ночь, но дорога ни как не кончается. Зачем и куда она идет? В начале пути помнила, а теперь забыла. Эти сны ее мучили, но зато, когда приходила с работы старушкина невестка и прогоняла боль уколом, Полина испытывала точно такое же, как и больная, чисто физическое облегчение.

К концу мая и сны, и голоса пропали. Погода установилась, состояние Полины улучшилось.

Виктор подарил ей трость (деликатный подарок, который она и могла принять только от него) – и возможности Полины значительно расширились. Ни время суток, ни скопление народа, ни оживленные перекрестки – никакие препятствия ей больше были не страшны. Поначалу, правда, она чувствовала себя неловко: идти по улице с тростью – все равно что с табличкой «Слепая» на груди. Но, увидев, как много она дает ей преимуществ, попросту перестала об этом думать. Все это глупые комплексы, решила Полина и совершенно успокоилась.

Теперь она спокойно могла приходить в парк. Он давно ее привлекал разнообразием запахов, звуков, энергетикой какой-то праздной, не омраченной заботами свободой. Люди, находящиеся в парке, словно излучали другие волны, более теплые, ласковые, что ли, чем когда шли, спеша по своим делам, по улицам. Полина довольно часто прогуливалась в этом районе, но раньше войти в парк опасалась – огибала его по периметру, а за ограду не заходила. Слишком много там было препятствий: деревья, бордюры, фонтан, разнообразные беседки, бегающие по дорожкам собаки и дети. Трость позволила решить все эти проблемы. Парк стал любимым местом ее прогулок.

Но сегодня она с самого начала, как только пришла сюда, почувствовала себя странно. Что-то в самой атмосфере парка изменилось. И запахи изменились, и звуки. В голове постоянно возникали какие-то непонятные образы, навеваемые этим парком.

Полина села на скамейку неподалеку от оркестра – оркестр тоже сегодня был каким-то другим: словно подменили музыкантов, оставив тот же состав инструментов и репертуар. Ей представилась девушка, чужая, незнакомая, она ее никогда в жизни не видела, которая сидит на этой самой скамейке и слушает этот самый оркестр. И так проникается музыкой, как Полина никогда проникнуться не могла. Звучит Хандошкин, простая, но берущая за душу вещь. Девушка начинает плакать. С ней что-то случилось перед тем, как она пришла в парк.

Полина встряхнулась, прогоняя наваждение. Оркестр играл Генделя. Менуэт. Она стала про себя подпевать, чтобы снова не очутиться в чуждом видении, заставила себя представить огромный зал, залитый светом свечей, танцующие пары... Но свечи вдруг одна за другой начали гаснуть, зал сжиматься, воздух стал затхлым и спертым – таким с непривычки и дышать невозможно, – пронеслась в голове фраза, сказанная кем-то другим. Лязгнул замок, тяжело, со скрипом открылась массивная дверь тюремной камеры.

Усилием воли Полина вернула себя в «танцующий» зал. В зеркалах отражались пары, держащиеся за руки, словно в детской игре. Свечи снова ярко горели. Дамы и их кавалеры старательно выполняли фигуры танца. Полина снова дирижировала своей фантазией – только бы не соскользнуть, только бы не сбиться с ритма, только бы не перепутать фигуры. Пока идет все хорошо...

Но вдруг с ужасающим грохотом разлетается зеркало. Осколки усеивают... не зал, а незнакомую комнату. И сразу за этим слышится чей-то отчаянный, страшный крик.

Крик не смолк, даже когда наваждение прошло. Полина вскочила со скамейки. Музыка больше не звучала – концерт был окончен. Музыканты спокойно двигались, складывая свои инструменты, люди в парке продолжали свою прогулку, будто ничего не произошло. А крик длился и длился. Неужели никто, кроме нее, его не слышит? Неужели это опять только голос, внутренний голос человека, находящегося неизвестно где, один из тех голосов, которые ее временами преследуют? Но сейчас он слишком явственен, слишком отчетлив, слишком реален и... слишком страшен. Такого отчаяния и ужаса в человеческом голосе она не слышала никогда. Полина сделала несколько испуганных шагов по направлению к голосу – и тут увидела человека, который кричал. Черты лица его были искажены, руки сжимали ствол дерева, словно он боялся упасть. Она хотела тут же броситься к нему, помочь, успокоить, но удержалась, побоявшись ранить его сочувствием. И замерла, не зная, что предпринять. Стояла, перебирая в голове подходящие варианты начала разговора. Стояла, не сводя с него взгляда, выжидая подходящий момент. И ничего не могла придумать.

Но вот он наконец отлепился от дерева, прошел, пошатываясь, к скамейке и прямо-таки рухнул на нее. И замер, переживая новый виток непонятного ужаса. Что с ним случилось? Что могло его так страшно испугать? Она не могла больше ждать и села к нему на скамейку.

– Не стоит отчаиваться, на каждую ситуацию можно посмотреть с другой стороны, – сказала она успокаивающим тоном и совсем было собралась рассказать о себе, чтобы как-то его подбодрить, на своем примере показать, что все в жизни можно пережить, но поняла, что фраза прозвучала до невозможности глупо и пошло, и она не только не смогла его успокоить, но, наоборот, еще сильнее испугала. Он посмотрел на нее совершенно диким взглядом, вскочил и бросился прочь из парка.

Ужасно расстроившись, Полина побрела домой, постукивая впереди себя тростью. И тут до нее дошел весь невероятный смысл ситуации: она видела этого человека, действительно видела, не так, как видят во сне или в воображении, а как видит зрячий. А через мгновение поняла еще одну невероятную вещь: этого человека она видела раньше. Перед самой аварией. На рисунках Кати.

Глава 3

Я хотел убежать, но смог сделать только несколько шатких шагов до скамейки. Я кричал, страшно, надрывно, мучительно, как обезумевшее животное, но не слышал собственного крика. Голова взорвалась болью, лицо человека, которого я убил, поплыло, исказилось и вдруг распалось на отдельные фрагменты, словно в разбившемся зеркале.

Я упал на скамейку, сжал голову руками, пытаюсь унять эту адскую боль и успокоиться. Конечно, мне все это только привиделось, конечно, там, у дерева, никого нет. Или есть, но совсем другой человек, просто некий прохожий, не моя жертва. Ведь так не бывает...

Боль немного утихла, разумные доводы помогли, и я действительно начал успокаиваться, но тут явственно услышал позади себя печальный, проникнутый сочувствием голос:

– Я мертв, а ты жив. Ты должен все вспомнить.

Он стоял у меня за спиной, никуда не исчез, не разбился.

– Так не бывает! – выкрикнул я, но опять сам себя не услышал. Он тоже меня не услышал.

– Ты обязан все вспомнить, пройти весь путь до конца – и вернуться, – продолжал он своим проникновенным голосом. – Ты сбежал от меня и пытаешься убежать от себя. А нужно всего лишь найти дорогу назад.

Если бы он на меня напал, попытался убить, выкрикивал слова обвинения, мне не было бы так страшно. Но его сочувствие, его какая-то прощающая печаль вводили в самый кошмарный кошмар. Я понял, что мне от него не избавиться – теперь он будет преследовать меня повсюду и не оставит в покое.

– Уходи! – зашелся я в немом, неслышимом крике.

Кто-то опустил рядом со мной на скамейку и точно таким же проникновенным, как моя жертва, голосом сказал:

– Не стоит отчаиваться, на каждую ситуацию можно посмотреть с другой стороны.

Я повернулся на голос. Слепая девушка в упор смотрела на меня. Слепая девушка меня видела.

Черные, не отражающие света очки и эта характерная трость... Нет, я не мог ошибиться.

Реальность разбилась. Мне больше не на что опереться. Не разбирая дороги я бросился прочь.

Все повторялось: асфальт скользил под ногами и слышались чьи-то шаги у меня за спиной. Улицы вытянулись и искривились, изменив до неузнаваемости город. Я бежал, убегал от себя, от него. Я не знал, куда я бегу. Но вдруг оказался во дворе своего дома. Ну что ж, не самая плохая комбинация кошмара. Здесь, по крайней мере, я смогу укрыться.

В кармане пиджака обнаружилась связка ключей – адвокат позаботился, чтобы мне все вернули. Три ключа. Один из них точно от квартиры, а два других... Не помню от чего. Да это сейчас совершенно не важно.

Вошел в подъезд, поднялся на свой этаж, открыл дверь квартиры...

Все. Теперь я на какое-то время в безопасности. Стараясь не смотреть на темный прямоугольник на стене в прихожей – здесь когда-то висело зеркало, – прошел на кухню.

Я вдруг почувствовал жуткий голод, ведь с самого утра ничего не ел. Но когда открыл холодильник – он был прямо-таки до отказа забит продуктами, – аппетит совершенно пропал. Продукты, конечно, купила мама. Я представил, как она носится по магазинам, загружая тележки, выбирая все то, что я больше всего люблю, а сама... Отношения с родителями у меня совершенно разладились, и, конечно, они никогда не смогут смириться с тем, что их сын – убийца. Никто из родственников и знакомых ни разу не навестил меня в тюрьме, никто не встретил, когда меня оправдали и выпустили.

Я обошел квартиру – везде был полный порядок, именно такой, свойственный моей личной территории, несколько своеобразный. Тут тоже постаралась мама. Хотела, чтобы все выглядело так, будто я отсутствовал буквально несколько часов, – стерла тряпкой вместе с пылью эти долгие месяцы – или годы? – моего заключения. Расставила все по своим местам – никаких следов обыска, никакого ощущения присутствия посторонних людей. Такая забота, смешанная с полным отречением от меня, действовала хуже, чем откровенная ненависть. Призрак убитого мною человека выглядывает из каждого угла. Нет, и дома я не смогу от него укрыться. Он разрушил мою жизнь, а теперь и мертвый не оставит меня в покое.

Меня охватила такая злость, что, если бы он оказался сейчас опять передо мной – кажется, снова смог бы в него выстрелить. Убить второй раз!

Убить убитого... Истинное безумие, но в этом есть рациональная мысль. Я должен его убить в себе, побороть, победить, уничтожить. Или он меня уничтожит. Та самая самозащита, о которой говорил адвокат. Обыкновенная законная самозащита. Но прежде всего я должен перестать мучиться, перестать ощущать себя убийцей. Понять, что жертва я, а не он.

Обзвонить всех знакомых и близких и устроить праздник по поводу моего освобождения. Смотреть открыто всем в глаза, быть уверенным в своей невинности – и тогда они тоже уверятся в этом. Пригласить, доказать...

Я бросился к телефону, взял трубку – и вдруг понял, что почему-то не могу припомнить ни одного номера, не могу никуда позвонить. Он опять победил, заблокировал мою память. Потом я вспомнил, что в телефоне ведь есть записная книжка... Но желание звонить совершенно пропало. Ничего не получится, я всегда буду проигрывать. Остается лишь признать себя окончательно побежденным, снова впасть в спячку – моя квартира подходит для этого точно так же, как тюремная камера, – и не пытаться жить.

Я лег на диван, укрылся с головой пледом и вскоре провалился в то блаженное состояние безразличной пустоты.

Звонок телефона вырвал меня из моего прекрасного беспомыслия, как когда-то охранник из камеры, как адвокат из тюрьмы. Я схватил трубку – она лежала на полу возле дивана, видимо, принес ее с собой с вечера. Нет, специально положил рядом, потому что... потому что ждал звонка. Ждал и знал, что мне позвонят. Вот так, среди ночи. Ждал и боялся.

– Да! – закричал я в трубку, но голоса своего не услышал. Как тогда в парке, как тогда, давно, до... всего.

– Отца увезли в больницу, – тихо-тихо проговорила мама. Как тогда... – Я здесь, с ним. Приезжай. Все очень плохо.

Я заметался по квартире, забыв, что сделал тогда. Такси, нужно вызвать такси, набрать номер и вызвать такси, подсказал мне кто-то заботливый, прощающий все на свете, перед кем я был виноват. Но вдруг понял, что опять разучился пользоваться телефоном. Тогда мне был предложен другой вариант: поехать в больницу на своей машине, но и им воспользоваться было невозможно: я никак не мог отыскать ключ. Не только от машины, но и от всей комбинации. Значит, придется добираться пешком.

И снова улица, темная, страшная. Снова мокрый асфальт... Ах нет, я все перепутал – мокрый асфальт был не тогда. А впрочем, не важно. Там впереди зеленым неоновым светом залиты тротуар и стоянка, там впереди... стеклянные двери, там впереди... неизбежность конца.

Двери с услужливостью привратника мертвого царства распахиваются передо мной. Прохожу вестибюль – и оказываюсь в коридоре, в том самом, длинном белом коридоре больницы. Запах отчаяния оглушает, ноги подкашиваются, не желают идти туда, куда пойти невозможно... куда я всегда боялся пойти и на полпути поворачивал назад. Теперь повернуть не получится. Во всем виноват тот, кого я встретил сегодня в парке.

Запах отчаяния усиливается. Я дошел. Мама смотрит на меня в упор, но, кажется, не видит. Или не узнает. Или не хочет узнавать. Сажусь рядом с ней на кушетку. Беру ее за руку – и рука не хочет меня узнавать. Какая неудобная, твердая кушетка! Наверное, ее специально сделали такой, чтобы хоть на какое-то время отвлечь от ужасного ожидания, чтобы мама наконец перестала так прямо держать спину и облокотилась на меня.

Хирург с усталым, размытым чужой болью лицом появляется в том конце коридора. Мы поднимаемся, чтобы пойти ему навстречу, но он каким-то дирижерским жестом приказывает нам остаться. Подходит, прячет взгляд и фальшивым голосом, будто говорит неправду, пытается объяснить, как обстоят дела.

– Поздно привезли, слишком поздно. Процесс зашел далеко. Диагноз был поставлен неверно, и теперь... Необходима срочная операция. Мы сделаем все, что сможем, но нужно быть готовыми ко всему.

Неверно поставленный диагноз – вот оно что! Врачебная ошибка. В которой, однако, виноват не только врач, поставивший неверный диагноз, а кто-то еще. Там, за множеством дверей, в конце этого бесконечного коридора, умирает мой отец.

– Не имеет смысла здесь ждать. – Хирург чуть повышает тон: мы со своими скорбными лицами ужасно его раздражаем. – Операция может занять больше пяти часов. Идите домой. Все будет известно утром.

– Да, – соглашается мама, но не трогается с места. – Конечно-конечно, мы все понимаем. Диагноз часто поставить трудно. Никто не виноват.

Она ошибается, бедная моя мама, ох, как же она ошибается! Я снова беру ее за руку, но она руку отдергивает.

– Пойдем. – Я поднимаю ее за плечи – плечи дрожат.

– Итак, до утра, – говорит хирург и уходит по коридору.

– До утра, – механически отвечает мама, – до утра, до утра.

Будет ли утро? Кушетка не отпускает, ужасно неудобная, твердая, сделанная на заказ специально для таких случаев. Мы остаемся. Я знаю, кто виноват. Я знаю, что исправить уже ничего невозможно. Напротив висят часы. Мне кажется, я слышу, как они стучат, мне кажется, я вижу, как передвигаются стрелки. Время идет, приближая нас к страшному утру.

Стрелка передвинулась на час. Я явственно ощущаю присутствие некоего третьего. Он здесь, где-то рядом.

– Мне нужно на минуту уйти, – говорю я маме. Она никак не реагирует, напряженно смотрит на часы, она меня просто не слышит.

Поднимаюсь и иду по коридору. Коридор разветвляется на два рукава. Куда повернуть – направо? налево? Как было тогда? Не помню.

Но вот я опять явственно ощущаю его присутствие. Он у меня за спиной. Резко, чтобы застать врасплох, оборачиваюсь. Никого. Нервы на взводе. Его не было здесь. Мне это только показалось.

Возвращаюсь назад. А ведь именно это он советовал мне сегодня в парке – вернуться назад.

Мама все так же напряженно смотрит на часы. Кажется, она даже не заметила моего отсутствия. Стрелка передвигается еще на час. Ничего не происходит.

Отчаявшаяся тишина. Только часы стучат. Я не могу больше ждать.

Двери в конце коридора распахиваются. Мама вскрикивает и бежит навстречу человеку, закутанному, словно мумия, в белое. Я тоже иду ему навстречу, безнадежно, как на эшафот. Вот сейчас прочитают приговор...

Хирург срывает маску с лица, закуривает прямо в коридоре и вдруг, как-то неестественно громко засмеявшись, поздравляет нас с успешно проведенной операцией. Из операционной

выходят еще врачи и медсестры. Все нас поздравляют, будто это мы сегодня совершили великое чудо: спасли жизнь самого близкого человека.

Мой отец выжил. В чем же тогда состояла вина человека, которого я убил? И почему так явственно ощущалось его присутствие здесь этой ночью? Какую роль он сыграл в том, что произошло? За что я его убил? Почему я так боялся дойти до конца этого больничного коридора, когда все кончилось благополучно? Он не оставит меня в покое, пока не вспомню, не восстановлю свою память, давшую сбой в тот момент, когда я спустил курок, словно не ему, а себе в голову выстрелил. Психологическая травма, такое бывает, я когда-то читал... Мне нужно избавиться от этой травмы во что бы то ни стало. Избавиться от травмы и все вспомнить, а не впадать в спячку. Моя жертва все равно не даст мне уснуть.

Я должен найти ответ.

Оставляю маму и счастливую группу в белых халатах радоваться сегодняшнему утру, а сам ухожу все дальше и дальше от них по коридору. Мне нужно найти ответ – во что бы то ни стало, любой ценой. Голос хирурга, этой ночью победившего смерть, настаивает на меня.

– Теперь вы можете отдохнуть, – размеренно, как гипнотизер, говорит он, – все самое страшное закончилось. Отправляйтесь домой со спокойной совестью.

– Нет, – отвечаю я ему и упрямо продолжаю продвигаться вперед – мне нельзя останавливаться. Дохожу до разветвления коридора – перекрестка дорог, – в прошлый раз я так и не смог решить, куда повернуть: направо или налево. Возможно, поэтому и не нашел ответа. Но сейчас я проверю обе возможности, дойду до конца.

Поворачиваю направо. Позади слышатся шаги. Шаги меня догоняют – не стану обращать внимания, не стану оборачиваться, все это очевидные препятствия, чтобы мне помешать узнать правду.

– Максим! Подожди!

Мама! Самый иезуитский способ выбран, чтобы меня сбить. Я не могу не остановиться. Господи, как же она запыхалась! Видно, долго бежала.

– Там нет выхода. Кажется, ты заблудился. Ну не удивительно – такая ужасная ночь.

Мама улыбается, я беру ее под руку – она доверчиво опирается на меня, все недоразумения между нами забыты. Нервной скороговоркой рассказывает, что пережила и что передумала за то время, пока шла операция. Я тоже рассказываю. Мы идем вместе по коридору, сделавшемуся совсем нестрашным. И вдруг мама останавливается и озабоченно смотрит на меня.

– Ты не должен никого обвинять в том, что случилось. Никого, – с нажимом на каждом слове повторяет она, – слышишь? Это просто несчастное стечение обстоятельств, ты меня понимаешь?

– Понимаю, – лгу я и еле-еле сдерживаюсь, чтобы не выдернуть руку и от нее не сбежать. Все испорчено, ничего уже не исправить.

– И в том, что произошло потом, тоже не было ничьей вины. Послеоперационное осложнение – проблема ослабленного организма, а не...

И тут я не выдерживаю. Бросаю ее посреди коридора и убегаю. Впереди приоткрытая дверь, в щель просачивается темнота. Там, за этой дверью, самое страшное, но я очертя голову назло себе, назло маме, назло всем, кого люблю, бросаюсь туда.

Деревянная лестница. Взлетаю по лестнице вверх, комната... освещенная тусклым бра... Голова разрывается от боли на ужасные кровавые осколки – и я просыпаюсь.

Просыпаюсь, но темнота, еле-еле освещенная тусклым светом, не кончается. В ужасе бьюсь, пытаюсь из нее вырваться, мне представляется, что я ослеп, и вспоминается девушка из парка. Запутываюсь в чем-то мягком, удушливая шерсть закрывает мне рот, перекрывает дыхание. Отчаянно борюсь с невидимым врагом – и наконец его побеждаю. Это всего лишь плед, которым я закутался с головой, перед тем как уснуть. За окном тусклый, как бра из моих время от времени повторяющихся кошмаров, рассвет.

Неприятное, серое, холодное утро. Но меня почему-то неодолимо тянет выйти на улицу. Мне кажется, что, если останусь дома, пропущу нечто важное.

Непроснувшийся город пуст, как в каком-нибудь фантастическом фильме. Тревожно и немного жутко. И свет ненужных уже фонарей тревожен и жуток. И звук моих шагов, слишком громкий в этой сонной тишине, меня пугает. Я представляю себя неким монстром, разгуливающим по опустевшему городу.

Но тут к грохоту моих шагов прибавляется еще один звук – странный, я не сразу могу определить его суть, но подающий неясную надежду. Останавливаюсь и прислушиваюсь. Легкое ритмичное постукивание... Каблуки? Нет, так может постукивать трость по асфальту – трость слепого.

Иду на этот почему-то обнадеживающий звук, стараясь ступать неслышно, чтобы его не спугнуть, не потерять. Сворачиваю на перекрестную улицу – и вижу ее, девушку из парка. Ну конечно, это она, никто другой не мог бы мне встретиться на этой фантастической улице. Иду за ней осторожно, еле-еле касаясь ногами асфальта. Как уверенны ее движения, как легко она ориентируется в невидимом для себя пространстве! Трость ей совсем не нужна, она и без нее совершенно легко и свободно движется.

Трость нужна мне. Для того чтобы я ее услышал и пошел за ней.

Девушка остановилась возле какого-то здания офисного типа, открыла ключом дверь и вошла внутрь. Я тихонько подошел ближе. В окнах на первом этаже зажегся свет. Зачем нужен свет слепой?

Свет, как и трость, нужен не ей, а мне. Свет в окнах – зажженный для меня маяк, сигнал, на который я должен ориентироваться. Войти вслед за ней?

Я прочитал вывеску, которая висела над входом: «Детективное агентство», страшно удивился, смутился, непонятно чему обрадовался и, так и не разобравшись со своими чувствами, вошел внутрь.

Девушка сидела, задумавшись, в офисном кресле за каким-то необъятно огромным столом. Услышав, как хлопнула дверь, она вздрогнула и посмотрела прямо на меня.

Глава 4

Рисунки Кати Семеновой представляли собой своеобразный дневник, который девушка завела за три месяца до своей гибели. На каждом из них имелась дата, но числа и названия месяцев были не просто проставлены, а входили в сюжет картины. Вот Катя сидит на скамейке, то ли в парке, то ли в каком-то сквере, по дорожке идет человек, в руке у него газета за 26 сентября. В этот день в местной «Вечерке» вышла большая статья о молодой талантливой художнице Екатерине Семеновой, как узнала Полина позже. Картинка залита радостным светом, наполнена ощущением счастья. Вот Катя и этот же человек прогуливаются по улице – электронные часы у входа в магазин показывают новую дату: 1 октября. День открытия персональной выставки Екатерины Семеновой, еще один счастливый день. Вот Катя и ее спутник входят в здание театра – на афише 16 октября. Яркий, желтый, жизнерадостный кленовый лист, летящий по ветру, слегка подпорчен темными пятнами сбоку. А дальше...

Темные пятна проступают все более отчетливо. Теперь они на всем: на дорожках, скамейках, лицах прохожих. Настроение стремительно меняется. Одиночество, боль, безнадежность, обида видны в каждом рисунке. И образ спутника тоже меняется стремительно. Он пугает ее, он ее мучает.

25 октября – обрывок театральной программы с датой тонет в луже. Равнодушный, холодный, пасмурный день – и лицо ее спутника точно такое же равнодушно-холодное, пасмурное.

4 ноября – черные, словно на траурной ленте, буквы и цифра на транспаранте. Дождь. Праздничная колонна больше похожа на похоронную процессию. Он идет в этой колонне, а Кати на картинке вообще нет.

20 ноября – дата расположена в самом центре листа. Снова дождь, безнадежный, серый. Мужчина держит в руках котенка, мокрого, жалкого, грязного. Держит брезгливо и осторожно, боясь запачкаться. У котенка глаза Кати. У котенка человеческое, Катино лицо.

Декабрь... Дождь кончился, но картины стали еще мрачнее и безнадежнее. Мертвые, пустынные улицы обряжены в снежный саван. Черные окна домов отражают лицо человека, которого она так любила. Он повсюду, повсюду, и сбежать от него невозможно. Разве что в смерть.

Катя погибла 15 декабря. Выпала из окна своей комнаты. Следствие велось недолго и не очень основательно. О рисунках никто не знал, о мужчине, с которым она встречалась, тоже. Все указывало на несчастный случай. Но спустя почти четыре с половиной года мать Кати, Анастасия, случайно натолкнулась на этот художественный дневник. Ей, психиатру по профессии, рисунки рассказали о многом. А впрочем, здесь и не психиатру было все ясно.

Анастасия обратилась в агентство Полины. В несчастный случай она больше не верила. Мужчина, изображенный на картинках, так или иначе был причастен к гибели ее дочери. В этом она была совершенно уверена.

Полина взялась за расследование этого дела. Но ничего не успела выяснить, потому что на следующий день ее сбила машина. Виновник аварии скрылся с места происшествия, его так и не смогли найти по тем скудным и путаным показаниям, которые дали немногочисленные свидетели.

Личность человека, возможно повинного в смерти восемнадцатилетней Кати Семеновой, так и осталась невыясненной. Анастасия ни в какие другие детективные агентства больше не обращалась. И вот теперь совершенно неожиданно Полина встречает его в парке.

Встречает и *видит*. Действительно, по-настоящему видит. Кто объяснит сей странный феномен?

С момента встречи прошло уже три часа, но Полина так и не смогла успокоиться. Ну совсем нисколько. Его искаженное ужасом, отчаянием, болью лицо все стоит перед глазами, и

ничего с этим поделать невозможно. Позвонить Виктору? Поговорить с Анастасией? Попросить приехать маму?

Нет, она должна справиться сама. Все это просто какое-то болезненное явление, вроде голосов, которые ее преследовали. Нужно отвлечься – и все само собой пройдет.

Полина заварила чай, включила плеер. Но чай оставил во рту горький, металлический привкус, как когда вырван больной зуб, а музыка настойчиво уводила в парк. Их встреча снова и снова прокручивалась в голове.

Чем он был так напуган? Что вообще способно довести человека до такого состояния? Почему он встретился ей? Каким образом она смогла его увидеть?

Полина вылила в раковину остатки невозможно горького чая, вымыла чашку, аккуратно, чтобы не задеть другие, поставила в шкаф, полностью сосредотачиваясь на этом занятии, как в первые дни своей самостоятельной жизни. Озабоченно – сплошное притворство перед самой собой – провела рукой по поверхности холодильника: проверить, не скопилась ли пыль и не нужно ли заняться уборкой. Решила, что уборка совершенно необходима. Налила в ведро воды, принесла с балкона половую тряпку – в голове возникло отчетливое воспоминание: человек, которого она встретила в парке, держит в руках мокрого, замерзшего котенка, – такое отчетливое, словно она не на картинке это видела, а сама присутствовала при событиях. Вот только на лице его не было брезгливости и той гадливой жалости, как изобразила Катя. Лицо было отстраненно-спокойным.

Какую же роль он сыграл в ее гибели? И что произошло с ним сегодня?

Полина выжала тряпку и принялась мыть пол. Сообразила, что не с этого всегда начинала уборку. И вдруг ясно увидела номер сбившей ее машины. Почувствовала на секунду небывалое облегчение, словно разгадала невероятно сложную загадку, бросила тряпку, нашарила на столе тетрадь и ручку, записала номер.

– Мой вклад в расследование, – проговорила она вслух, – никто из свидетелей на номер не обратил внимания, а я вот взяла и вспомнила.

Впрочем, вклад запоздалый: следствие по ее делу давно закончилось, возобновлять его никто не будет. Разве что она сама. Но это вряд ли. Что толку? Ну найдет она виновника ее несчастий, а дальше? Мстить ему она уж точно не собирается. Так что и искать нет никакого смысла.

Нет смысла, если эта авария не связана с ее расследованием обстоятельств гибели Кати Семеновой. А если связана? Если сбили ее не случайно, а для того, чтобы не смогла продолжить расследование? Чтобы не смогла найти Катиного убийцу?

Значит, убийца все-таки был?

Но если и был, то совсем не обязательно им являлся Катин возлюбленный, тот, которого она изобразила на своих рисунках... Тот, которого Полина встретила в парке...

Тогда почему она его встретила? И главное – почему... его видела? Какой в этом смысл?

Никакого смысла нет и не может быть в болезненных видениях. Все это нужно просто выбросить из головы и успокоиться.

Полина вытащила пылесос из шкафа, собрала его и принялась яростно, злясь на себя и свои ненужные мысли, чистить ковер.

Уборка заняла много времени, но от мыслей не избавила. Приготовление сложного многоступенчатого ужина (Полина притворилась перед собой, что ужасно проголодалась) тоже. И аудиокнига – новый, во всяком случае для нее, роман Айрис Мердок – не смогла отвлечь. Рассердившись на себя окончательно, Полина легла спать.

Сон долго не шел – не мог пробиться сквозь детективные выкладки, которые навязчиво продолжали выстраиваться в голове. Но когда, уже под самое утро, мозг не выдержал и наконец сдался, ей приснился кошмар. Длинный белый коридор больницы, наполненный энергетикой отчаяния и боли. Громко стучат часы, отмеряя время чьей-то утекающей жизни. Она идет впе-

ред по этому бесконечно длинному коридору, но с каждым шагом становится все страшнее. Где-то там, впереди, приоткрытая дверь, за ней – темнота. Это и есть ее цель. Страшная цель, она не хочет там оказаться, но повернуть назад не может. Часы замирают на несколько секунд – чье-то сердце на эти несколько секунд останавливается – и начинают стучать с новой силой. Цель приближается – дверь уже отчетливо видна, даже можно рассмотреть узор резной ручки. Осталось сделать всего пару шагов. Тишина, ужасная, давящая, только часы продолжают стучать. И вдруг эту тишины разрывает дикий нечеловеческий крик.

Крик человека, встретившегося ей в парке.

Пробуждение было резким, внезапным – сознание не поспело за телом, и потому все, что произошло с ней дальше, скорее напоминало продолжение сна. Отбросив одеяло, Полина встала и подошла к распахнутому настежь окну. Обонянием, кожей, еще каким-то не поддающимся классификации чувством ощутила, что наступило утро. Раннее, сырое, не по-летнему холодное. Постояла немного, вдыхая этот какой-то враждебный воздух – и вдруг поняла, что просто не может оставаться дома. Почему-то не имеет права. Быстро, ужасно спеша, оделась, взяла трость (она ей была сейчас совсем ни к чему в это безлюдное раннее утро) и вышла из квартиры.

Куда и зачем идет, она не знала и, если бы ее кто-то об этом спросил, очень расстроилась бы, потому что это окончательно сбilo бы ее с толку. Шло ее тело, сознание все еще оставалось во сне.

На улице стояла неправдоподобная, какая-то нецивилизованная тишина, нарушаемая только стуком ее трости. Как часы из кошмара, подумала Полина и невольно стала выбивать тростью часовой ритм.

Два квартала направо, подсказала она себе, дойдя до перекрестка улиц. И тут ощутила, что больше не одна на этой пустынной улице, появился еще какой-то прохожий. Часы в голове застучали громче. Замерли на миг и опять застучали, напряженно, взволнованно. Полина сделала еще несколько шагов вперед и остановилась. Радость и невероятное возбуждение нахлынули с такой силой, что закружилась голова. Она поняла, куда принесло ее тело – к офису агентства. Открыв дверь ключом, который неизвестно как оказался в кармане ее плаща, Полина вошла в офис. Рука механически нащарила выключатель... Полина посмеялась над собой, но выключать свет не стала. Села за свой стол, откинулась в кресле. Радость снова нахлынула с необыкновенной силой. «С возвращением», – сказала себе Полина и опять засмеялась.

Стукнула дверь, зазвучали шаги. Радость сменилась предчувствием боли так резко, что она вздрогнула. Только не нужно пугаться, попросила она неизвестно кого и повернула голову в сторону пришедшего.

Конечно, это был он, человек, встретившийся ей в парке, и конечно, она его снова видела.

– Здравствуйте, – проговорил он хриловатым, сорванным криком голосом. – Меня зовут Максим Данилов. Кажется, мы с вами уже встречались? – Он виновато улыбнулся и замолчал в нерешительности.

– Да-да, я вас прекрасно помню, – пришла ему на помощь Полина, но почувствовала, что светскость ее тона при данных обстоятельствах абсолютно неуместна и даже в чем-то оскорбительна. Она хотела исправиться, придумать другую фразу, более душевную, более теплую, но тут ей в голову пришла одна жутковатая мысль: этот человек, возможно, виновен в гибели Кати и в попытке убийства ее самой, а сейчас пришел довершить то, что тогда у него не вышло. – Присаживайтесь, – сказала она все тем же светским тоном, чтобы скрыть страх. – Что вас ко мне привело?

– Вы привели, – прохрипел он и издал какой-то дикий смешок, подтверждая ее жуткую мысль. – Я шел за вами. – И вдруг, как-то по-детски всхлипнув, совсем другим, испуганным, умоляющим голосом попросил: – Пожалуйста, помогите мне.

Страх ее сразу прошел, кроме жалости, сочувствия, желания помочь, она больше ничего не испытывала.

– Расскажите, что с вами случилось, – попросила Полина.

– Рассказать будет очень непросто. – Максим опять усмехнулся, но совсем по-другому. – И поверить вам будет непросто. Я хотел бы... – начал он, но сбился, не смог продолжить. – Я хотел... Видите ли, он не оставит меня в покое, пока... – И опять замолчал, не зная, как сформулировать свою просьбу. – Я хотел бы нанять вас расследовать одно убийство, – поймал он наконец свою ускользающую мысль и удовлетворенно вздохнул.

– Расследовать убийство? Но я... – Теперь пришла в замешательство Полина. Она хотела объяснить, что детективная деятельность осталась в прошлом, что она просто физически не может ничего больше расследовать, но неожиданно для самой себя сказала совсем другое: – Расскажите подробно все, что вы об этом знаете. – Ей почему-то представилось, что Максим поведаст ей историю их отношений с Катей Семеновой.

– Я убил человека, – жестко проговорил он и сам испугался и своей жесткости, и своего признания. – А теперь этот человек меня преследует, – добавил вымученно, снова охрипнув. – Я не помню, за что я его убил, я даже не помню, кто он. И он не оставит меня в покое, пока я все это не пойму.

В его историю действительно трудно было поверить. Сначала Полина решила, что перед ней сумасшедший. Призрак, преследующий своего убийцу, – нет, это что-то из области психиатрии. Странно, что ни следователь, ни адвокат не увидели, что Максим – просто больной человек. Непонятная непрофессиональность, необъяснимая душевная черствость. Его лечить нужно было, а не судить.

– Как звали вашего адвоката? – возмущенно спросила она.

– Беляев Семен Александрович, – с готовностью ответил Максим, – да он неплохой человек, честное слово.

Имя следователя Максим вспомнить не смог, но Полина решила сама это выяснить позже.

– Когда произошло убийство?

На этот вопрос Максим тоже почему-то ответить не смог. Он совершенно запутался во времени.

– Следствие велось очень долго, может быть, год, может, два... А может, и несколько месяцев. Понимаете, там нет времени.

– Где это – там? – испуганно переспросила Полина, она все больше и больше убеждалась в его невменяемости.

– В тюрьме, – просто ответил Максим. – Там все дни настолько одинаковы, что невольно погружаешься в спячку. Я спал...

– А ваши сокамерники? Неужели...

– Сокамерники? – Максим удивленно на нее посмотрел. – Не было никаких сокамерников.

– Странно. – Что-то во всем этом было не так. От начала до конца не так. Может, Максим и сумасшедший, но дело не только в этом.

– Ужасно болит голова, – признался он вдруг. – Иногда просто невозможно вынести.

И опять ей стало очень его жалко, и захотелось немедленно помочь, облегчить его боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.